

Когда я проснулась утром, Мари Федоровны уже не было дома. Хозяйка растапливала печь.

— Вашбригадир уже заходил. Надо всем в клубе быть в двенадцать часов дня... Для детей выступить будете. Самовар уже вскипел...

В колхозе «Первое мая» нам показали свиноферму. Все свиньи были тучные, пеповоротливые, а звались игриво — Резвушка, Забняка, Розочка, Снежинка...

ПРИЕХАЛИ В СОЧИ. Остановились в гостинице «Кубань». Напротив моих окон стоит новенький шагающий экскаватор. За весь месяц он не сделал ни одного шага — очевидно, он в отпуске или болен.

Я живу в одном номере с певицей. У нас на столе стоят три огромные тяжеленные пепельницы, даже обидно, что мы не курим, но настольной лампы, к сожалению, нет, нет и телефона, и письменного прибора.

Справа от нашего номера живут курортники, слева — наша балетная пара. Они танцуют эффектный акробатический вальс. В жизни они

С УРЖИКОВ

скромные, ничем не обращающие на себя внимания люди. Балерина всегда чем-то занята. В простеньком платье-халатике, без всякой косметики и мишуры, она или шьет, или вяжет, или читает, или занимается станком. И все, за что она ни возьмется, делает хорошо и, главное, весело.

Сегодня, штопая на балконе трико, она тихо напевала: «Нужны ли мне деньги, не знаю, но кажется мне, что нужны».

Другие наши соседи очень рано уходят на пляж, возвращаются часа в четыре, бьют мальчику и ложатся отдыхать. Поспав часа три, очень нарядные и надутые, уходят гулять.

Певица, с которой я живу, вводит меня в курс эстрадной жизни и учит уму-разуму.

— Вам в эстраде будет трудно, — говорит она, — в эстраде надо пробиваться вдвоем. Смотрите: балетные — супруги, опереточные — супруги, певец жемат на аккомпаниаторше. А вы? Вам необходим муж, обязательно из эстрады, чтобы он вас тащил. Понимаете?

Я верю, что певица желает мне добра. Она вообще хороший товарищ. Я помню, в одной поездке она могла бы уходить после первой вещи, потому что публики не просила ее петь еще, но она знала, что концерт у нас маленький, и честно пела четыре песни.

Концерты проходят хорошо, курортная публика жаждет зрелищ. Я привыкаю к эстраде и уже не мучаюсь, когда художественные четкие пускают после фокусника, — это эстрада, искусство контрастов, тут уж ничего не поделаешь.

Все наши концерты идут на открытых площадках. Вечера прохладные, сырые. Певцы жалуются: от влажности садится голос. А танцевать на сыром полу не только трудно, но и опасно. Как-то перед концертом прошел дождь, все выможил. Но зрители, постелив газеты, журналы, прозрачные мешочки, кое-как устроились, а мы вышли на мокрую сцену. Пианист плакал настоящими слезами — так отсырел инструмент...

Я в Сочи первый раз, но моря так и не видела. Раза два пыталась приблизиться, но безуспешно. А перед самым отъездом мне повезло. Я шла по набережной, когда неожиданно набежала тучка и полил дождь. Бог мой, что началось на пляже! Люди убежали с такой поспешностью, будто этот теплый дождь мог их убить или изувечить. А я пошла на пляж.

Море встретило меня сердитым ворчаньем, будто говоря: «Неужели и в дождь я не могу побыть без людей?..».

НА ЦЕЛИНЕ, в самое горячее время уборки, вдруг начался дождь, дороги размыло. Наш грузовик еле двигался. Мы постоянно вылезали, чтобы вытащить машину. Настроение у всех испортилось. Даже веселый водитель, который не уставал развлекать нас анекдотами из жизни сумасшедших, умолк и только шепотом ругался.

После одного дневного концерта нам надо было пересбаться на другую сторону реки Ишим. Времени оставалось в обрез, но, подъехав к переправе, мы увидели, что очереди дожидается огромное количество машин. Наш бригадир бодро зашагал на паром в полной уверенности, что нас пронесут без очереди. Но паромщик, не экономя выражений, объяснил, что перевозка зерна важнее концерта, что только что ехала «скорая помощь», а артисты могут и подождать.

Нудно моросил дождь, все мы скисли... Вдруг наш аккордеонист молча вынул из футляра инструмент, слегка пробежал по клавишам замерзшими пальцами и заиграл такую знакомую всем песню: «Степь да степь кругом...».

Встал Ваня Суржиков и, прислонившись к кузову, вполголоса запел.

И как будто ничего не изменилось, только чуть все повернулись в нашу сторону... А потом к нашему грузовику начали стягиваться люди со всех машин.

Я уверена, что ни на одном концерте Суржиков не пел так, как в тот осенний вечер под моросющим дождем. И никогда, может быть, так его не слушали.

ХОТЬ УБЕЙ, не понимаю, почему зданьям, в которых занимаются кружки самодеятельности, где бывают концерты и показывают кинофильмы, без разбора присваивают имя «дворец культуры». Мне всегда казалось, что во дворце обязательно должно быть красиво и уж во всяком случае чисто. Но такие дворцы мне попадались далеко не всегда...

Я знаю, как они выглядят и снаружи, и внутри, и в праздники, и в будни. Но не вижу ничего, что отличало бы их от самого обычного клуба.

Сегодня праздник. У входа толпа молодых, которые жаждут прокинуть внутрь. Но те молодцы, которые стоят внутри, находят, что во дворце им нечего делать. Поэтому дверь заперта на здоровенный засов.

Я протискиваюсь к входу. Меня не сразу выпускают, не такой у меня вид, чтобы передо мной сразу распахнулись дворцовые двери, но в конце концов они приоткрываются, и я, протиснувшись в щель, попадаю в вестибюль и прохожу на сцену.

Обычно, оказавшись не только во дворце, а даже в хате, люди снимают пальто и вешают его на вешалку или хотя бы на гвоздик. За кулисами дворца культуры артисты кладут вещи на столы и подоконники. Потом мы ищем стулья, чтобы сесть, но стулья, оказывается, или заняты членами президиума, которые еще заседают на сцене, или стоят в каких-то других комнатах, которые заперты.

В артистической уборной горят всякие лампы и стоят зеркала, больше подходящие для комнаты смеха. В туалете нет ни мыла, ни свежего полотенца. Когда кончается торжественная часть, на сцену выкатывают пыльную, расстроенный рояль с западающими клавишами и сломанной педалью.

Нам говорят, что эти дворцы принадлежат богатым профсоюзам, что денег на их содержание тратится немало. Кто же тут хозяйничает, кто доводит все до такого убогого вида?

Но мы сюда являемся не для того, чтобы задавать вопросы. И мы готовимся в неуютных, неудобных комнатах. Потом выходим на плохо убранную, с некрасивым занавесом сцену и играем и поем под звуки истерзанного инструмента, изо всех сил стараясь создать во дворце праздничное настроение.

УТОМИТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ — загородные концерты!

Долго едем с ведущей ни электричке. Потом долго ждем или рейсового автобуса, или специально посланной машины. Сидим на каких-нибудь ящиках, сложенных около магазина, а если их нет поблизости, стоим на своих «гвоздиках», уговаривая друг друга не нервничать: времени достаточно, и мы не опоздаем.

Один раз я совсем уже собралась идти к руководству — просить, чтобы для загородных выездов давали машину. Даже релетировала убедительную речь. Но руководство беспрерывно где-то заседало, а тем временем мне объяснили, что стараться бессмысленно: даже Кобзон машину не всегда дают.

Зато живых впечатлений — масса.

Читаю последний рассказ. Вдруг из-под пола, из осветительной будки, раздастся шепот:

— Через десять минут последний поезд!

Быстро «закругляюсь», кое-как записываю в чехол вешн. Уборщица дает советы:

— Через мост не успеешь, влезай прямо на платформу. Она высокая, но пусть тебе кто-нибудь под зад приподдаст. Вполне можешь успеть.

Добежав до платформы, я легла на нее грудью, но поблизости не оказалось никого, кто бы мог «приподдать». И все-таки каким-то чудом я залезла и успела сесть в последний вагон...

Другой раз было так. Мы с ведущей назначили свидание в Московском дворце, чтобы ехать на вокзал, но к нам подошел администратор и интимно сказал:

— Машина на улице, за углом.

Мы переглянулись и вышли. За углом действительно стояла легковая машина. Администратор по дороге спрашивал, не возражаем ли мы, если он закурит.

За кулисами прекрасного дворца культуры, куда мы приехали, было тепло и чисто. Нам дали по стакану горячего чая... Я до сих пор думаю: или это был сон, или меня с кем-то спутали.

Когда я читала на сольном концерте в Серпухове, за кулисами появился кот. Ведущая попыталась его поймать, но он не давался в руки и, что главное, стал мяукать. К ведущей кто-то присоединился. Кот, видимо, не желал уходить. Но ему становилось все страшнее, и он все тревожнее и звонче мяукал. Облыва за кулисами нарастала. В дело вступили мужские голоса. Кот мяукал почти без пауз.

— Анна Павловна, — слышала я шепот директора, — вы стойте здесь, а я буду заходить слева...

— Кс... кс... кс...

— Товарищи! — молила моя ведущая, — не надо «кс-кс», на сцене все слышно.

Но слышно было не только на сцене а и публике.

Потом вдруг все затихло, но как-то тревожно, как перед боем, — и тихая, но четкая команда:

— Окружай...

И кот, сверкая зелеными глазами, выскочил на сцену. За кулисами кто-то застонал. А кот, увидев, что уже никто его не преследует, подошел ко мне и доверчиво потерся о мою ногу.

Мне пришлось взять его на руки и под аплодисменты рассмеявшихся зрителей отнести за кулисы...

КОГДА

я первый раз собиралась со своими концертами на Урал, мама сказала:

— Для гастрольной артистки главное — гардероб.

Первый концерт был в Перми. Вернее, в пригороде, в рабочем клубе. Меня привез местный администратор, у него было много важности, но мало здравого смысла, так как он привез меня на вокзал через десять минут после отхода нашего поезда.

В вокзале было холодно. Я присела около женщины в пуховом платке, которая пыталась запихать в небольшую сумку хлеб, духовой утюг и две бутылки ситро так, чтобы на дне не разбились сырые яйца. Каждый раз, когда она начинала упаковку, раздавался тонкий хруст, и женщина, вытащив разбитое яйцо, говорила: «Опять, холера, треснул!». Когда от десятка яиц осталась половина, я взяла у нее утюг поставила его на дно авоськи, в него положила оставшиеся яйца, а все остальное уложило довольно легко.

Когда мы вышли на нашей станции, было совсем темно. Администратор подсадил меня в грузовик, и вскоре мы подкатили к клубу. Ветер рвал афишу с моей фамилией, а больше никого не было. Вешалка в клубе была пуста. Администратор напечат завсудующую клубом и сделал ей выговор за то, что она не удержала публику.

Так началась моя гастрольная жизнь, так я получила первый урок: ничему не удивляться и на всякий случай готовиться ко всему.

В ХОРОЛЬСКИЙ КОЛХОЗ

мы приехали за светом. Нас привезли доброй председателю колхоза, накормили вкусным ужином, а потом стали развозить по квартирам. Мне досталось жить в маленьком белом домике, где хозяйкой была одинокая пожилая женщина.

Хлопоча по хозяйству, она рассказала мне, что муж у нее давно умер от тифа, а сын убит в войну, и чтобы было не так одиноко, она взяла молоденькую учительницу из Воронежа, и теперь они живут, как родные. Рассказала, что билеты на концерты уже давно всем роздали, а одна девушка билет потеряла, а доказать не может. Теперь она третий день ревет, а второй билет ей все равно не дадут...

Я сидела в теплой кухне, за пузатым самоваром, на дворе подымалась метель, и мне совсем не хотелось идти на концерт. Хозяйка смотрела, как я натягиваю тонкие чулки.

— Ну и тяжелая у вас специальность! — сказала она.

В сенях раздался стук, и на пороге появился весь облепленный снегом возница с тулупом в руках.

Около клуба, помогая мне вылезти из саней, он неожиданно проговорил:

— А лучше Пушкина писателя нет. Кто же так еще напишет: «Вихри снежные крутя?»!

Учительнице Марии Федоровне Черенковой, которая жила у моей хозяйки, шел двадцать второй год. Мы познакомились, когда я вернулась с концерта. Мне предназначалось спать на двуспальной кровати под кисейным пологом. Мария Федоровна приготовила себе постель на диванчике около печки. Хозяйка поправила лампаду и ушла на кухню.

Когда я легла, Мария Федоровна тихо спросила:

— Вы не спите? Мне очень надо с вами посоветоваться.

Дело было вот в чем. Мария Федоровна рассказала детям о Большом театре, обещала вместе с отличниками пойти на концерт. Весь класс стал прекрасно учиться. Но в клубе мало мест, билеты роздают только взрослым. Теперь ребята места себе не находят. Сегодня на уроке Мария Федоровна поймала несколько записок — вот, пожалуйста:

Крупный детский почерк легко было прочесть и при лампадке.

«Как ты думаешь пробраться на концерт?».

«Если пролезть в клуб с утра, можно спрятаться под сценой».

«Я решила украсть билет у отца».

Я посоветовала Марии Федоровне пойти к нашему бригадиру и предложить устроить спешную для детей утренний концерт.

— Я и ребят с собой возьму, — обрадовалась Мария Федоровна. — Они лучше меня скажут.